

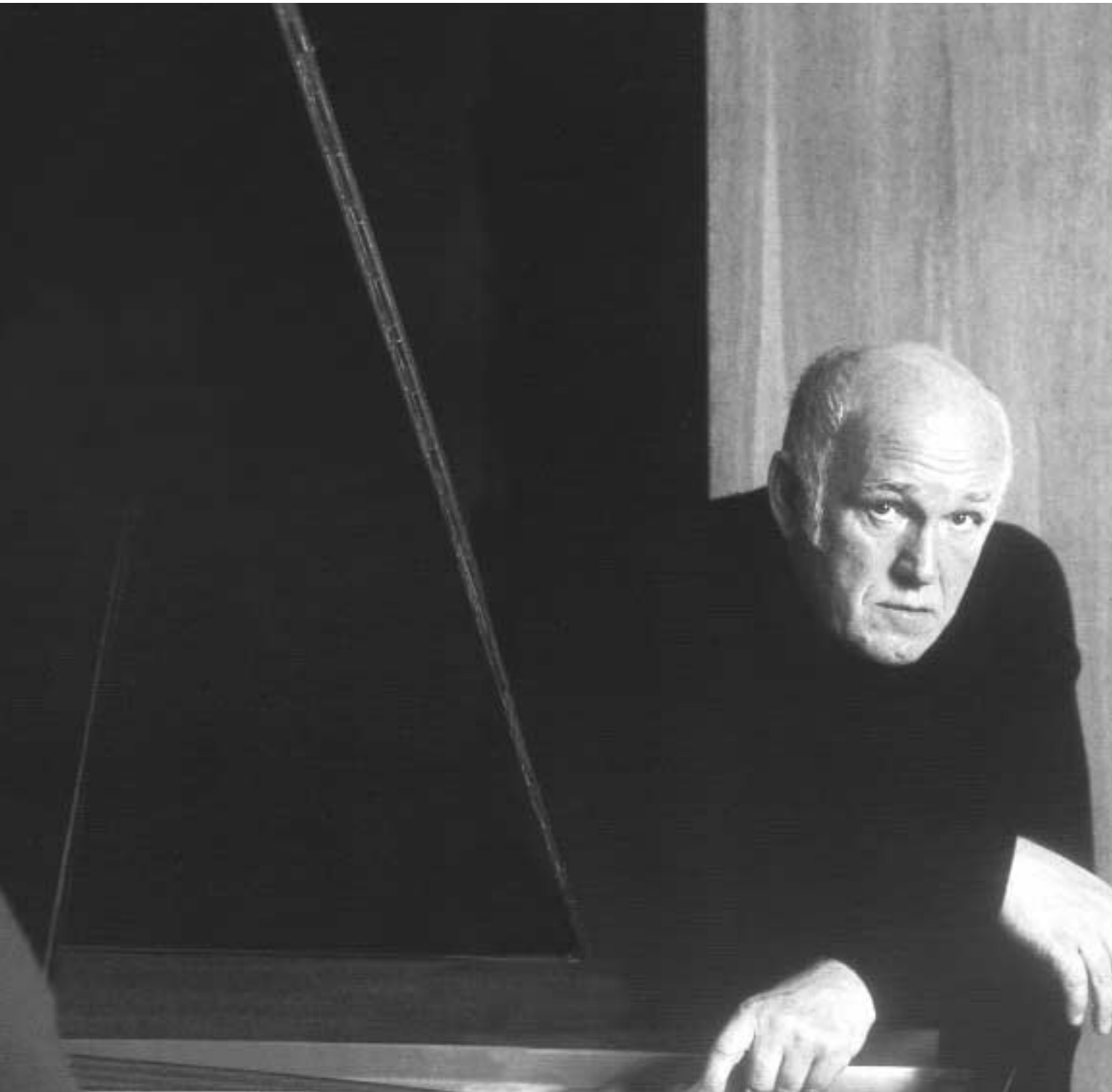
Музейон

Дом Рихтера

В январе 1999 года в Москве на Большой Бронной улице в доме 2/6 состоялось открытие Мемориальной квартиры Святослава Рихтера — нового отдела Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, музея, с которым Святослава Теофиловича связывала долгая дружба. Общее детище Ирины Александровны Антоновой, директора Музея, и Святослава Рихтера — Международный музыкальный фестиваль «Декабрьские вечера» получил после смерти великого пианиста его имя.

Мемориальная квартира существует благодаря энергии и попечению И.А. Антоновой, ее пониманию значения Святослава Рихтера в мировой музыкальной и не только музыкальной культуре.

Святослав Рихтер стал классикой, легендой еще при жизни.

Святослав Теофилович Рихтер

«...Все попытки подобрать рациональный ключ к таинственной природе гения бессмысленны: мы никогда не найдем формулу одаренности... Он больше чем пианист, — писал о Святославе Рихтере Альфред Шнитке, — его проблемы располагаются на уровне более высоком... они возникают и решаются на стыке искусства, науки и философии, в точке, где единая истина выражается универсально и всеобъемлюще»¹.

Рихтер поселился на 16-м этаже дома на Большой Бронной в самом начале 70-х годов. Он лю-

бил этот район Москвы, о котором пелось в старой студенческой песне: «Есть в столице Москве один чудный квартал, он Козихой Большой называется. От зари до зари, лишь зажгут фонари, вереницей студенты шатаются...» Не так уж мало осталось здесь от «Большой Козихи»: кирпичные дома Гирша, в которых селились из-за дешевизны квартир студенты, украшенные лепниной доходные дома, особняки эпохи модерна. Прошлой осталась и планировка улиц, с высоты она отлично просматривается. На подоконнике большой

¹ Вспоминая Святослава Рихтера. Святослав Рихтер глазами коллег, друзей и почитателей. М., 2000. С. 295. (Далее — Вспоминая Святослава Рихтера.)

комнаты в квартире Святослава Теофиловича по-прежнему лежит бинокль: он любил разглядывать разномастные московские крыши, дворы, скверы, далекие новостройки.

Дом, в котором он жил, — обычная типовая башня. Но поднявшись наверх и войдя в квартиру, мы попадаем в особый мир. Здесь во всем ощущается характер и образ жизни, особая энергетика человека, которого Юрий Башмет назвал «охранной грамотой истины в искусстве», а Андрей Вознесенский — символом русской интеллигенции, живущей по «шквалу Рихтера». «...В это духовное пространство он не впускал ничего чуждого ему. Никаких чиновников я в его доме не видела, никакой пошлой конъюнктурной суеты. Это был совсем другой мир. Его мир»², — свидетельствует профессор Московской консерватории Вера Васильевна Горностаева, пианистка и тоже ученица Генриха Густавовича Нейгауза.

Музей Рихтера еще молод и не успел выпустить «путеводитель» для тех, кто приходит в Мемориальную квартиру. Но удалось сделать гораздо более важное: в 2000 году, в год 85-летия Святослава Теофиловича, когда «Декабрьским вечерам» исполнилось двадцать, ГМИИ им. А.С. Пушкина выпустил книгу-альбом «Вспоминая Святослава Рихтера». Благодаря этой книге³ мы получили счастливую возможность войти в дом Рихтера вместе с самыми близкими ему людьми, друзьями, коллегами и учениками и разделить с ними удивительную атмосферу приязни и непринужденности, где артистическое озорство естественно сопрягалось с титанической творческой самоотдачей, «борениями духа» и тонкой, рафинированной культурой, этической культурой, которая всегда и во всем сопутствовала Святославу Теофиловичу Рихтеру и Нине Львовне Дорлиак.

«Довести форму до кипения»

Самую большую комнату в своем доме Рихтер называл залом. Потолок здесь заметно выше, и звук действительно летит, как в маленьком зале. Здесь стоят два рояля фирмы «Стейнвей», несколько кресел, два старинных итальянских торшера (подарок мэра Флоренции), гобе-

² Вспоминая Святослава Рихтера. С. 98.

³ А также книга: Терехов Д.Ф. Рихтер и его время. Неоконченная биография (факты, комментарии, новеллы и эссе). М., 2002; Борисов Ю. По направлению к Рихтеру. М., 2000.

⁴ Курсивом отмечены фрагменты «Автобиографических признаний» С. Рихтера, опубликованных в книге: Мильштейн Я.Н. Вопросы теории и истории исполнительства. М., 1983; а также комментарии Рихтера к картинам в каталоге выставки «Музыкант и его встречи в искусстве». М., 1978.

лен и картины. На пюпитре одного из роялей — открытые ноты: Schubert. Klaviersonaten. Bend 3. Ноты привезли с дачи на Николиной Горе, где Рихтер жил в июле 1997 года. Он готовился осенью дать концерт. Первого августа его работа прервалась навсегда. Ноты остались раскрытыми на 48-й странице.

Рядом с роялем на небольшой подставке — альбом с репродукцией, которая вызывала у Маэстро — так называли его во всем мире — ассоциации с исполняемой музыкой. Во время репетиции Трио Шостаковича с Наталией Гутман и Олегом Каганом (Святослав Теофилович говорил о них — «мои музыкальные дети») на пюпитре была репродукция картины Пикассо — символ трагедии разъятого мира.

На репетиции в дом Маэстро часто приглашались гости. Дмитрий Журавлев вспоминает шубертовскую репетицию: музыканты во фраках, Рихтер в смокинге; играли без всяких скидок на домашнюю обстановку и малое количество публики. На прослушивание тетралогии Вагнера «Кольцо нибелунга» были разосланы приглашения узкому кругу лиц. В приглашении было написано: «Четыре вечера. Каждый вечер — одна опера». И ремарка: «Если Вы не можете прийти на один из этих вечеров, то просим Вас не утруждать себя и не приходите вообще».

У Рихтера была стерта грань между занятием, репетицией и концертом. Чтобы «проявить» музыку, он мог заниматься по восемь-десять часов в сутки. Он считал, что нужно «выгрываться» в произведение точно так же, как балерина втанцовывается в свою партию⁴. В разгар репетиции брал холодный душ — и снова за рояль. В половине второго ночи мог позвать Анатолия Ведерникова, Антона Гинзбурга, и те приходили. «Однажды я сам слышал, — рассказывал Олег Каган, — как фугу Шостаковича он повторил раз сорок подряд... Святослав Теофилович часто

Кабинет Святослава Рихтера в квартире на Большой Бронной

Святослав Рихтер с родителями, Теофилом Даниловичем и Анной Павловной. Житомир, 1924

приводил слова замечательного художника Фалька, с которым очень дружил: «нужно довести форму до кипения...» Это жизнеопасно!.. Поэтому у Рихтера бывают периоды, когда он не играет концерты, — это своеобразная защита организма⁵.

Комната, которую Святослав Теофилович называл комнатой отдыха, не была спальней, — спал он в зале на сдвинутых мягких пуфах. Иногда во время домашних концертов комната отдыха превращалась в артистическую, отсюда исполнители выходили в зал. В этой комнате внимание привлекает портрет отца Рихтера, Теофила Даниловича, в молодости.

Из «Автобиографических признаний» С. Рихтера:

«Происходит он из семьи немецких колонистов. Предки его жили еще в Польше, и, вероятно, кое-что польского было и у него. Он был разносторонне одарен. Учился в Вене. Провел в Вене около двадцати лет. Хорошо играл на фортепиано, особенно романтические пьесы — Шумана, Шопена. В моло-

дости как пианист давал концерты. Но панически боялся эстрады и из-за этого так и не стал концертующим пианистом. Превосходно владел органом, часто на нем импровизировал. Его импровизации приходили слушать многие — и в одесскую кирху, где он постоянно играл, и в оперный театр, где он служил органистом».

Святослав Рихтер родился в Житомире 20 марта 1915 года. Детство и юность его прошли в среде провинциальной интеллигенции, среди «людей мыслящих, начитанных... наделенных тем скромным достоинством, что всегда располагает; где вечерами читали под лампой вслух или музицировали на каком-нибудь старом-престаром рояле с медалями на крышке...»⁶. С 1921 по 1937 год он жил с родителями в Одессе. Теофил Данилович с Анной Павловной, матерью Рихтера, не сумели выехать из Одессы в 1941 году, когда к городу подходила гитлеровская армия. Отец был арестован и в ночь с 6 на 7 октября расстрелян в одесской тюрьме как «немецкий шпион». Всю жизнь Святослав Теофилович нес в душе эту неутраченную боль. В день гибели отца он включал запись его любимых произведений и молча слушал.

В 1944 году Анна Павловна вместе с новым мужем уехала из Одессы в Румынию, а потом в Германию, навсегда расставшись с Россией и единственным сыном. Встретились они лишь через двадцать лет. «С поступком матери, которая была для него символом верности, опорой в семье и ближайшим другом... связана глубочайшая личная трагедия, абсолютная личная катастрофа Святослава Рихтера, повлиявшая на его дальнейшую человеческую судьбу»⁷, — пишет старинный друг Рихтера В.И. Прохорова. Анатолий Ведерников как-то сказал, и Рихтер с ним согласился, что он ушел в музыку как в монастырь. Это не значит, что он стал аскетом и отшельником, но Музыка была его единственным служением и поручением.

Уникальный случай — до двадцати двух лет один из величайших пианистов XX века оставался самоучкой. Выступал на домашних музыкальных вечерах, сочинял музыкальные пьесы, написал шесть романсов на стихи Блока. Работал концертмейстером в кружке любителей оперы при одесском Доме моряков, в одесской филармонии, в одесском театре оперы и балета.

Летом 1937 года Рихтер поступает в Московскую консерваторию, в класс профессора Генриха Нейгауза. «...Судьба подарила мне второго отца», — сказал Рихтер о своем учителе. Нейгауз с первого дня был покорен его талантом и завершенностью игры.

Москву Святослав Рихтер принял сразу.

⁵ Вспоминая Святослава Рихтера. С. 247, 250.

⁶ Терехов Д.Ф. Рихтер и его время. С. 22.

⁷ Вспоминая Святослава Рихтера. С. 395.

«Москва — город контрастов, где все приживается. Чужеродное становится своим. Прекрасное соседствует с уродливым, дома одного стиля с домами другого, подчас противоположного, и все это органично сочетается. В этом как раз вся прелесть Москвы. Так было...» И Москва приняла его «просто и по-родственному, готовая поделиться всем, что есть». На первом курсе Рихтер жил у знакомых отца, на втором — у Анатолия Ведерникова, на третьем — у Генриха Густавовича Нейгауза... Занимался по десять-двенадцать часов, где и когда удавалось, часто в доме московской художницы Анны Ивановны Трояновской; а по ночам, когда классы были свободными — в Институте Гнесиных.

«Рихтера я узнала, когда он появился в консерватории, — вспоминает Нина Львовна Дорлиак. — ...Возвращалась по улице Горького, шла в задумчивости, вдруг ко мне стремительно подходит Святослав Теофилович:

— Давайте вместе дадим концерт.

— Вы хотите, чтобы отделение вы играли, а отделение я пела?

— Нет, я хочу вам аккомпанировать»⁸.

Комната Нины Львовны в доме на Бронной — это музей в музее. Певческая родословная семьи Дорлиак уходит в прошлое к самой Полине Виардо. Здесь фотографии ее матери, Ксении Николаевны Дорлиак, знаменитой русской певицы, исполнительницы ведущих оперных партий на сценах России и Европы, и рано умершего брата Дмитрия Дорлиака, в 1930-е годы известного актера Московского театра имени Вахтангова. А вот портрет самой Нины Дорлиак работы Кэтевани Магалашвили, о котором Рихтер рассказывал так:

«...Когда я впервые пришел на Арбат, в дом замечательной камерной певицы Нины Дорлиак, я сразу же увидел над роялем, рядом с оригиналом, этот портрет, который поражает сходством облика, но при ближайшем рассмотрении видно, что привнесено что-то во взляде и в выражении южно-пассивное, свойственное женищинам Кавказа, но никак не свойственное оригиналу».

Они встретились в 1943 году, «грациозно-графичная» Нина Дорлиак и молодой Святослав Рихтер — «рыжий-рыжий, тоненький, худенький, страшно стремительный», таким она его запомнила. Это был удивительно гармоничный ансамбль, и на сцене и в жизни. Они прожили вместе больше полувека, но так и не перешли на ты. Всегда говорили друг другу — Вы. Из книги художника Дм. Терехова, записавшего в 1997—1998 годах воспоминания Нины Львовны:

«Славочка сразу же сказал мне с обескураживающей честностью:

К. Магалашвили. Портрет певицы Нины Дорлиак

— Вы только на меня не обижайтесь. Я ведь очень трудный человек. У меня ужасный характер. Я не постоянный. И мне нужно будет время от времени исчезать... — Я ответила:

— Ну что же, пожалуйста, исчезайте...»⁹

Регулярная концертная деятельность Святослава Рихтера началась в 1940 году. Первые гастроли — Вологда, Ленинград, Мурманск, Архангельск; Тбилиси, Баку, Ереван, Сухуми. «О комфорте наших поездок говорить не приходилось, — вспоминала Нина Львовна. — В Армению мы ехали на верхних полках. Поезд шел долго. На одной из станций продавали вареных раков. Мы купили их прямо с ведром и, лежа наверху, долго, с наслаждением ели...»¹⁰ В марте 1945 года, перед самым концом войны, Святослав Рихтер и Нина Дорлиак впервые выступили вместе на авторском вечере С.С. Прокофьева в Малом зале консерватории. Об исполнении Нины Дорлиак ее ученица Галина Писаренко говорит так: «По эстраде к роялю шел девятнадцатый век...»

Нина Львовна довольно рано перестала петь. Осталась консерватория, где она преподавала, и семья. Титаническая работа великого Рихтера, творческое будущее любимых учениц, племян-

⁸ Вспоминая Святослава Рихтера. С. 69.

⁹ Терехов Д.Ф. Рихтер и его время. С. 127.

¹⁰ Там же. С. 128.

ник, которого она воспитывала после смерти брата, — все было на ней, на ее ответственности. Помощников у нее не было. О коллизиях в ее семье мы можем только догадываться. Она умела держать дистанцию. Ей приходилось защищать Рихтера от всеобщей шумной любви. Она была ему искренним и верным судьей. Мнение свое высказывала тактично и точно. Во время домашних репетиций, после энергичного требования к музыкальному партнеру «а теперь давайте поменяем роялями», после бесчисленных повторов и прогонов Рихтер говорил: «А теперь пригласим послушать Ниночку». Нина Львовна готовила бутерброды и чай («В антракте будет буфет, приготовьте все на овальном столе», — тихо предупреждал Святослав Теофилович), спешила к телефонной трубке — Рихтер к телефону относился враждебно, обычная его просьба: «накройте, пожалуйста, телефон еще двумя подушками». Исключение делал, только если звонила сама Нина Львовна, когда он был в гастрольном турне. Дорлиак разговаривала с чиновниками Госкон-

церта, поклонниками, репортерами, заказывала такси и т.д., и делала все это с тихим и твердым достоинством.

В 1950-е годы солист Московской государственной филармонии Святослав Рихтер регулярно выступает в странах Восточной Европы. Еще через десять лет, с началом «хрущевской оттепели», начинаются гастроли по всему миру. В 1986 и в 1988 гг. он совершает два огромных концертных турне по СССР. С 1964 года начались ежегодные «Музыкальные празднества в Турени» — фестивале на юге Франции, в котором Рихтер участвует до 1993 года. В 1981-м вместе с Ириной Антоновой он создает «Декабрьские вечера». В 1993 году начинаются организованные по инициативе Рихтера фестивали в Тарусе, его любимом месте на Оке. Нагрузка была колоссальной. В Москву удавалось выехать на одну-две недели.

«Когда он уезжает на гастроли, начинаешь скучать, — признавался Юрий Башмет. — Пустота в Москве. Мы все начинаем его ждать. Теле-

Выступление Рихтера в Черво. Италия, 1967

фон обрывает Нине Львовне... И только когда он возвращается — возникает полное ощущение Москвы...»¹¹

Последнее выступление Святослава Рихтера в Москве состоялось в конце 1993 года на «Декабрьских вечерах».

Между настоящим и вечностью

В последние годы Рихтер особенно много концертировал за рубежом. «У меня совершенно цыганская жизнь, — говорил он. — Каждый день на новом месте». Татьяна Фоогд-Стоянова, профессор Амстердамского университета, записала разговор с ним в Туре на фестивале 1993 года.

«— Вы не скучаете по дому?»

С.Т. (смеясь): Абсолютно. Я чувствую себя дома здесь, в Париже, в Вене и даже в Токио! Ведь я очень подолгу бываю за границей.

— И вы не чувствуете, что вам чего-то не хватает?

С.Т.: Нет! Потому что в Москве тоже всегда чего-то не хватает... Но нет, Москву я люблю!»¹²

Святослав Рихтер был странником не только в географическом пространстве своих концертных турне. «...Странствую по сонатам, экспромтам, — говорил он о себе. — Из одного века в другой. От Баха... опять к Баху... Именно поэтому у меня и есть самое любимое сочинение... Это — шубертовский «Wanderer»¹³, моя путеводная звезда. Я боготворю эту музыку, и кажется, не так сильно ее испортил. Для человека на земле — это главная тема. Он здесь странник, ощупью ищет Обетованную Землю. Когда ему светит звезда — он идет, когда он ее теряет — то останавливается»¹⁴.

Галина Писаренко отмечает «широкий ландшафт» музыки, продуманные линии рихтеровских программ: Моцарт — Шуберт — Лист; Шуман — Брамс — Чайковский; Бах — Гайдн — Прокофьев — Хиндемит; Гендель — Шостакович. «Мы ощущали композитора в целом, ощущали связи великих музыкантов. Их оригинальность и преемственность, их независимость и все же зависимость друг от друга»¹⁵.

«Для многих людей моего поколения Святослав Рихтер олицетворяет некую вершину, где реальность музыки уже становится ее историей... — писал Альфред Шнитке. — Рихтер уже десятилетия стоит в одном ряду с такими фигурами, как Шопен, Паганини, Рахманинов, Шляпин; он — соединительное звено между настоящим и вечно-

Святослав Рихтер и Генрих Нейгауз

стью»¹⁶. В музыкальной исполнительской традиции XX века появился свой знак качества — Знак Рихтера.

Одна из тайн Рихтера-пианиста: «ничего не делать» — помимо того, что написано в нотах (и между нот). В музыке надо раствориться и честно ей служить, говорил он. У Святослава Теофиловича было олимпийское спокойствие по отношению к славе и фимиаму. Он не позволял ведущим на концертах перечислять его награды, премии и звания, в том числе международные (почетный доктор Страсбургского и Оксфордского университетов, почетный доктор во Фрейбурге, орден Почетного Легиона и т.д.). Максимум, на что он соглашался, — «народный артист СССР», но идеально было — «играет Святослав Рихтер».

Обыкновенный Гений

В кабинете Рихтера — он называл эту комнату «шкафной» — шкаф с нотами, хранящими его пометки и замечания, и шкаф с пластинками его уникальных записей. В секретере — рисунок Пабло Пикассо «Голубь» с дарственной надписью. Рядом — рукопись 9-й сонаты Сергея Прокофьева с посвящением Святославу Рихтеру, «Крохотки» Солженицына с припиской Александра Исаевича. Над секретером — контррельеф Бориса Пастернака работы скульптора Сарры Лебедевой. Над деревянной фигуркой Иоанна Крестителя небольшой этюд Мартироса Сарьяна, — как объяснял кто-то из друзей, подарок Елены

¹¹ Терехов Д.Ф. Рихтер и его время. С. 261.

¹² Там же. С. 66.

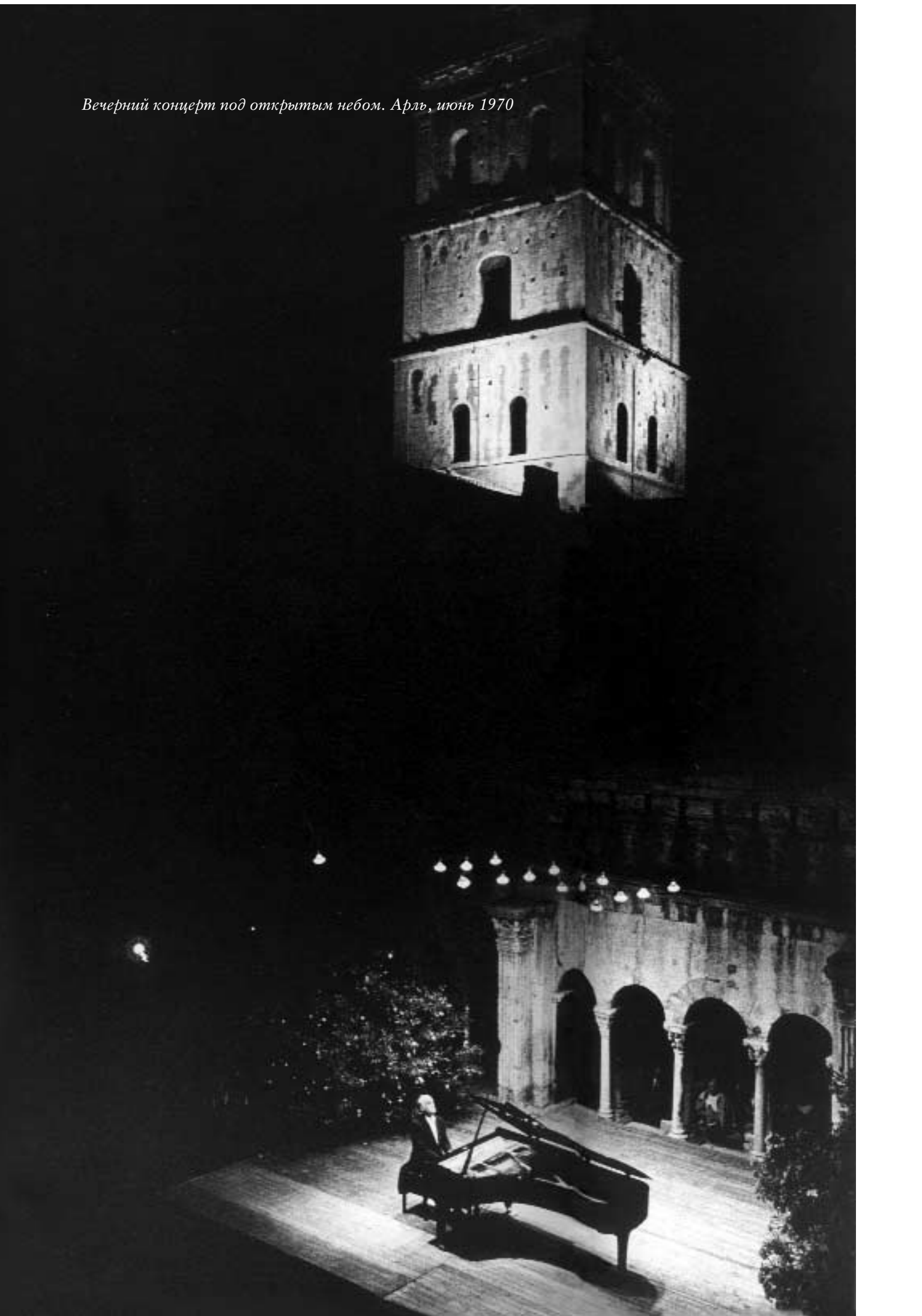
¹³ «Скиталец» (нем.).

¹⁴ Борисов Ю. По направлению к Рихтеру. М., 2000. С. 92—93.

¹⁵ Терехов Д.Ф. Рихтер и его время. С. 294.

¹⁶ Вспоминая Святослава Рихтера. С. 291.

Вечерний концерт под открытым небом. Арль, июнь 1970

Сергеевны, вдовы писателя Михаила Булгакова. Альбомы с репродукциями. И книги, книги...

«Музыка в моей жизни главное, но она все же не вся моя жизнь... Я существо всеядное... и не потому что разбрасываюсь, просто я многое люблю».

Говорят, если человек талантлив, он талантлив во всем. Спектр художественных интересов и пристрастий Святослава Теофиловича чрезвычайно богат, как и спектр дарований, которыми наделил его Бог, помимо Божественного музыкального дара. «Рихтер был Большим во всем: большой пианист, большой художник, большой мыслитель, большой эрудит, большой человек, большой ребенок» — так определяет масштаб Рихтера пианист, профессор Высшей школы музыки в Вене Олег Майзенберг¹⁷.

«...Рихтер натура универсальная... Этот человек (внешне закрытый и недоступный) является притягательным центром музыкальной жизни Москвы — он исполнитель, он организатор фестивалей, он первый замечает и поддерживает талантливых музыкантов и художников, он знаток литературы, театра и кино, он коллекционер и посетитель вернисажей, он сам художник, он режиссер...»,¹⁸ — перечислял таланты Святослава Теофиловича Альфред Шнитке.

Книги, театр и кино были его увлечением с детства. Он рассказывал, что мальчиком во дворе разыгрывал пьесу Ибсена «Росмерсхолм». Любил читать пьесы: первой книгой, которую он прочитал, была пьеса «Пелиас и Мелисандра» Метерлинка, а одной из последних — «Женитьба Бальзаминова» Островского. Когда приехал в Москву из Одессы, первое, что сделал, — пошел на спектакль с Алисой Коонен. В 1952 году Рихтер снялся в роли Ференца Листа в фильме «Композитор Глинка» (позже он напишет: *«Не люблю смотреть фильмы о музыкантах. Лица играющих музыкантов меня раздражают, а свое — тем более»*). В кино боготворил Марлен Дитрих, сыграл в Мюнхене концерт ее памяти. Потом привозил кассеты и собирал друзей смотреть фильмы Феллини, Кокто, Висконти, Пазолини. Он говорил, что стыдно этого не знать¹⁹.

Что касается литературы, тут Рихтер был особенно ненасытен: на книжных полках в его кабинете и в холле — Томас Манн, «Моби Дик», «Пиковая дама», Чехов (любимый рассказ — «Страх»), Тургенев, Блок, Пастернак, Волошин, Вересаев, Бальзак, Моруа, Артур Рембо, Шекспир, Достоевский, Диккенс, Михаил Булгаков... «Поставил задачу: прочесть двадцать томов Золя, — вспоминала Нина Львовна. — И прочел. Заставлял читать Наташу Журавлеву, Галю Писаренко, Олега (Кагана)... Я не выдержала двадцати

¹⁷ Вспоминая Святослава Рихтера. С. 315.

¹⁸ Там же. С. 291.

¹⁹ Борисов Ю. Записи Рихтера // Литературная газета, 8—14 марта 2000 г. С. 13.

²⁰ Терехов Д.Ф. Рихтер и его время. С. 74.

²¹ Борисов Ю. По направлению к Рихтеру. С. 189, 213.

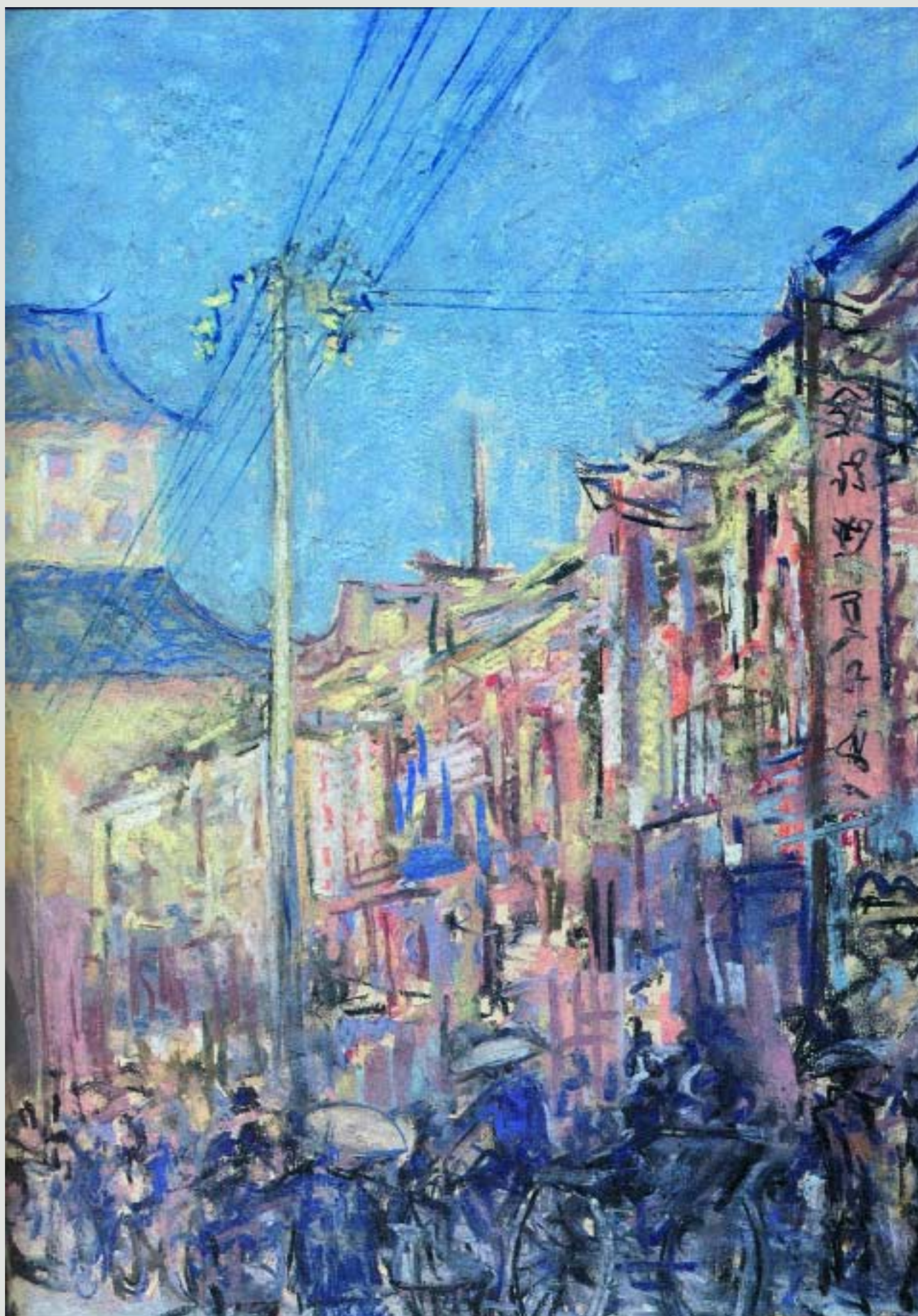

В роли Ференца Листа в фильме «Композитор Глинка». 1952

томов...»²⁰ Любил обмениваться гоголевскими цитатами («Они сильно обогатят нашу скудную речь», — говорил Святослав Теофилович): «посинел сквозной синевою» — из «Страшной мести», «у панночки блистающие пальцы» — «Вий», «толстый бас шмеля» и т. д.

Необычайно созвучен был ему Пруст. По свидетельству Н. Журавлевой, С. Рихтер, не дождавшись русского перевода последнего, седьмого романа «Обретенное время», прочитал его в немецком переводе незадолго до смерти²¹. В последние дни Рихтера на Николиной Горе Элисо Вирсаладзе читала ему вслух Метерлинка. А самое последнее, что он перечитал, — «Отцы и дети» Тургенева.

Круг чтения Рихтера не ограничивался только художественной классикой, точно так же, как круг его общения не ограничивался друж-

Святослав Рихтер. Улица в Пекине. Пастель

бой только с людьми искусства. Среди его друзей — математик И.Р. Шафаревич, археолог и этнограф Б.А. Куфтин, который рассказывал Святославу Теофиловичу об отце Павле Флоренском и его докладе «об обратной перспективе» (Рихтер называл ее «формулой водоворота») на заседании Византийской секции МИХИМ²² в 1920 году. «Приводились в пример картины Эль Греко, Рубенса и луврский “Брак в Кане” Веронезе. У этой картины — семь точек зрения», — говорил Рихтер²³.

В числе «умных книг», которые Святославу Теофиловичу особенно легли на душу, книга E. Schure «Histoire du drame musical» (Paris, 1882), во многом объясняющая появление символизма: «Если из мира видимых форм и идей... мы перейдем в мир звуков и гармонии, нашим первым впечатлением будет впечатление чело- века, из света внезапно очутившегося в глубокой темноте... Здесь все рождается из беспредельности, все окутано... тайной. В этой непроницаемой ночи... волна жизни стремительно влечет нас, но невозможно что-либо увидеть, что-либо различить. Однако по мере того, как душа наша осваивается с этой удивительной страной, приходит как бы второе зрение... Душа

наша напоминает тогда лунатика, который, впадая во все более глубокий сон... видит, как исчезают реальные предметы...»²⁴

Если говорить о пластических искусствах, рассказывает И.А. Антонова, то это была самая существенная после музыки часть огромного художественного мира Рихтера. Он полущутливо уверял, что в прошлой жизни обязательно был художником — «конечно, ренессансным».

«...У него были какие-то словно выработанные понятия о пространстве, об удалении, о перспективе, а чувство тона и цвета было просто исключительным. Но самое удивительное в нем — это инстинкт движения... Рисовал он исключительно по впечатлению и по памяти. Память у него была феноменальная. И воображение тоже»²⁵, — вспоминала московская художница Анна Ивановна Трояновская, ученица Серова, Пастернака и Матисса, страстная поклонница Эль Греко, у которой молодой Святослав Рихтер не только занимался на метнеровском рояле, но и брал некоторое время уроки живописи.

Роберт Фальк, с которым он очень дружил, отмечал в пастелях Рихтера «удивительное ощущение света». Эти пастели — полные настроения городские пейзажи и ландшафтные виды, иногда

²² Московский институт историко-художественных изысканий и музееведения.

²³ Борисов Ю. По направлению к Рихтеру. С. 112—113, 205—206.

²⁴ Шуре Е. История музыкальной драмы. См. там же. С. 218.

²⁵ Вспоминая Святослава Рихтера. С. 129.

Пабло Пикассо и Святослав Рихтер. 1964

Святослав Рихтер и Ирина Антонова на «Декабрьских вечерах»

бытовые сценки, — как и большую часть своего собрания живописи, Святослав Теофилович завещал ГМИИ имени А.С. Пушкина. Они находятся теперь в Музее личных коллекций, а в Мемориальной квартире Рихтера из них составляются сменные экспозиции.

Картины его любимых художников — во всех комнатах, а для пастелей Рихтера выделена специальная комната на половине Нины Львовны. Святослав Теофилович не был коллекционером в прямом смысле этого слова, но хорошо знал и любил живопись. Довольно большое собрание картин — это в основном дары друзей. Наиболее значительны среди них работы Роберта Фалька. Василий Шухаев представлен портретами, натюрмортами и пейзажами. Интересен «Полотняный завод» Натальи Гончаровой, два портрета Имаст Артура Фонвизина. Превосходен малоизвестный двойной портрет Веригиных Петра Кончаловского, одного из лидеров «русского сезан-

низма» начала минувшего века. Портрет этот, полученный Святославом Теофиловичем по наследству от госпожи Веригиной, — мажорный аккорд в интерьере зала Мемориальной квартиры Рихтера.

Особое место в его собрании занимают картины и рисунки близких людей — Анны Трояновской, Елены Ахвледиади и Кэтовани Магалашвили, напоминавшие ему счастливое время, проведенное в Тбилиси, и Дмитрия Краснопевцева. Рихтер считал Краснопевцева одним из талантливейших московских художников и дважды выставлял у себя дома большие собрания его картин, в 1962 и 1975 годах.

В 1978 году в ГМИИ состоялась выставка «Музыкант и его встречи в искусстве». Это была выставка портретов тех, кого Рихтер знал и любил. Каталог для этой выставки Святослав Теофилович составлял сам. Его подписи под портретами дали повод Ираклию Андроникову, и не только ему, говорить еще об одном даровании Рихтера — литературном. Он блестяще владел словом, интонацией, умел несколькими штрихами обозначить характер и творческую манеру.

Вот два его блиц-портрета. Е.А. Кост: «Портрет написан в дни ее молодости, в счастливой манере художников-эстетов “Мира искусства”, — портрет, в котором трудно угадать строгого ученого — она молодая, лукавая, почти опасно обаятельная». Пикассо: «Никогда не забуду этого человека с раскаленными как уголь глазами; ему было за восемьдесят, а был он моложе нас всех. Он бегал по лестнице как мальчишка, показывая свои комнаты, в которых царил божественный беспорядок, и восхищался узором вьющегося по стене растения. От этого посещения у меня остался портрет Фредерика Жолио-Кюри, рисунок гениально точного пера не дрогнувшей руки».

«Декабрьские вечера»

«Теперь у меня в Москве есть второй дом и свой месяц — декабрь...»

О дружбе с Рихтером, о «Декабрьских вечерах» и участии в них Святослава Теофиловича рассказывает Ирина Александровна Антонова.

«Он открыл мне миры, в которые я никогда не нашла бы дорогу без него. Откровенно говоря, он ничего не делал для того, чтобы так случилось. Просто он иногда был рядом. На концертах, в залах музея, приглашая к себе в дом на Бронную или на дачу на Николину Гору... Я видела его радостным и необыкновенно грустным, просветленно возвышенным, а иногда удручающе несправедливым, ликующим и устрашающе гневным. В общем, как все, как у всех... Но только во всем был другой, нездешний масштаб, не-

здешняя свобода и сила изъяснения, нездешняя глубина проникновения в самую суть.

Прошло более пятидесяти лет, как Святослав Рихтер пришел в Музей. Он стал частью его истории. Его присутствие придало нашему Дому новое измерение...»

Святослав Теофилович обладал обширнейшими познаниями в области изобразительного искусства. Его поистине феноменальная память хранила все богатства всех музеев мира. Его оценочные критерии были очень высоки. Рихтер — замечательный зритель. Он приходил в музей не «заглатывать» впечатления, рассказывает Ирина Александровна, а сосредоточенно трудиться душой. *«Не могу смотреть сразу много картин. Самое большее — картин пять-десять. Иначе глаз начинает детонировать».*

Любовь к искусству носила у Рихтера чрезвычайно активный характер. Просветительское начало было ему свойственно в высшей мере. Его мечтой было показать на «Декабрьских вечерах» «Оплакивание Христа» Веронезе из Эрмитажа, гениального «Жиля» Антуана Ватто из Лувра, а в Овере, где жил и умер Ван Гог, — показать его «Пейзаж после дождя» из коллекции ГМИИ. «Я до сих пор не теряю надежды осуществить его мечту», — говорит И.А. Антонова.

Осуществленной мечтой Святослава Рихтера и Ирины Антоновой стали «Декабрьские вечера». Идея проведения музыкального фестиваля Рихтера в Москве родилась летом 1981 года, когда Святослав Теофилович пригласил И.А. Антонову посетить концерты фестиваля, организованного им во Франции, в городе Туре. «Меня поразила придуманное им действие и, может быть, более всего — необыкновенность самого места его проведения. Надо было и в самом деле обладать уникальным даром видения, чтобы представить средневековый деревянный амбар XIII столетия в виде концертного зала с чудной акустикой, которой нисколько не мешали “ухажущие” время от времени совы, обитающие в его конструкциях»²⁶.

«Декабрьские вечера» ни в чем не повторяют фестивала в Турени. Это не просто концерты в музейных залах. Это специально подготовленные концертные программы, в основе которых — созвучие музыки и пластических искусств, их полифония и, в конечном счете, взаимообогащение.

Организации и режиссуре фестивальных праздников Рихтер отдавался со всей страстью. Для вечеров «Мир романтизма» 1985 года он задумал превратить сцену Белого зала в подобие салона романтической эпохи. Перед началом фестиваля, когда декорацию установили на сцене, рассказы-

вает И.Е. Прусс, научный сотрудник ГМИИ, Рихтер пришел взглянуть, что получилось. «Я увидела, что Святослав Теофилович... положил в рот таблетку валидола... “...Сейчас выйдет Огудалова”, — сказал он». Окна со шторами напомнили ему не романтический салон, а купеческий особняк эпохи Островского. (Кстати, Рихтер очень любил «Бесприданницу» Протазанова и смотрел этот фильм больше двадцати раз, а по другим свидетельствам — раз сорок.) У Рихтера было абсолютное чувство стиля. Занавеси, конечно, тут же убрали. Когда после оперного спектакля Бриттена «Поворот винта» в зале не вовремя вспыхнул свет — Рихтеру нужна была финальная пауза, тишина, в которой еще как будто продолжается музыка, — «он в отчаянии ушел на улицу, в мороз, без пальто, не слыша никаких утешений Наташи Гутман, побежавшей за ним. Помню, что примерно в то же время, — пишет И.Е. Прусс, — один из друзей Рихтера сказал мне: “Хотите, чтобы Славочка был жив, не давайте ему больше ставить опер”»²⁷.

«Он имел дар видеть музыку и слышать действие, — рассказывает Борис Александрович Покровский, которого Рихтер пригласил вместе готовить к постановке на “Декабрьских вечерах” оперу Бриттена. — Природа оперного искусства была его собственностью; смею уверить — и его великим даром. Как-то об этом мы разговаривали с Ростроповичем. Он сказал мне: “Рихтер, когда играет одну из сонат Бетховена, видит некую женщину в белом платье, идущую по саду. И всегда в одном и том же месте”.

Я передал этот разговор Рихтеру.

— Чушь! — гневно ответил он мне. — Славка всегда фантазирует всякую ерунду! — И, подумав немного, добавил: — Она почти никогда не появляется в белом платье! Да и откуда там белое платье, если звучит си бемоль минор? Правда, когда она заходит за куст, на котором трепещут листики, и попадает в луч солнца... Помните, там несколько тактов, будто бы скерцо?.. Кстати, выйдя из-за куста, она обычно идет к озеру, которое, вы помните, в глубине сада. Так что она оказывается ко мне спиной... — И снова пауза. — Ха, эта выдумка с белым платьем, как будто там ля мажор!»

Б.А. Покровский говорил, что после совместной работы над Бриттеном Рихтер породнился в его сознании со Станиславским. «Он пришел ко мне в театр, сразу получил (и освоил!) ряд законов режиссуры... и мы стали с ним фантазировать... Он не только показывал мне мизансцены, он актерски (!) их исполнял... Вот и скажите теперь, кто в этом “альянсе” был учителем, а кто режиссером»²⁸.

²⁶ Вспоминая Святослава Рихтера. С. 135—147.

²⁷ Там же. С. 173.

²⁸ Там же. С. 167, 161.

Альфред Шнитке высоко оценил режиссерский дебют Рихтера: «...на маленьком пространстве, которое и сценой назвать нельзя, поставил труднейшую оперу Бриттена “Поворот винта” с помощью простейших, но совершенно оригинальных приемов (вспомним хотя бы вызывающую мурашки пространственную разобщенность голосов и “тел” у призраков!)... Его темперамент сметает все препятствия, когда он одержим какой-нибудь идеей — будь то тематический цикл концертов, фестиваль искусств, выставка или домашний концерт»²⁹.

Бал Глори

У Рихтера была удивительная страсть к игре, импровизации, он заражал окружающих артистизмом, провоцировал нестандартно думать и видеть. Он не делал различия между своей профессиональной жизнью и дружеским общением — и тому и другому предавался с весельем, азартом и неукротимой страстью. В привыкшей к «красным дням календаря» Москве он воскрешал традиции христианских семейных праздников, музыкально-поэтического салона начала века, домашних вернисажей, волошинских озорных импровизаций.

Театрализованные представления, фантазии с переодеваниями и сюрпризами были давней традицией в семье Рихтера. Большая Бронная — третий его московский адрес, а начиналось все раньше, на Арбате, на улице Левитана, в Брюсовом переулке. Друзья вспоминают Новый год у Рихтеров: Рождественская елка в потолок, канделябры, восковые свечи, мерцают серебряные нити, а под елкой швейцарская шкатулка, которую он привез, замечательно долго играет забытую мелодию немецкого романтика Хумпердинка... Церковные праздники отмечались непременно. На Рождество слушали «Рождественскую ораторию» Баха, на Пасху — «Страсти» Баха. Слушали целиком и частями. Иногда дважды. Читали Евангелие. Он любил расписывать пасхальные яйца — по двести яиц покупали к каждой Пасхе. Расписывал в древнерусском, фольклорном стиле, в стиле модерн, в абстрактной манере. К люстре подвешивал на ленточках скорлупки с водой и в каждой — букетик подснежников.

Устраивались и детские утренники. Слушали оперу Хумпердинка «Гензель и Гретель». Святослав Теофилович никогда не преподавал («Не умею, не могу, и вообще это страшно скучно!» — говорил он), но каким великолепным педагогом он был и каким замечательным пропагандистом

оперы! В архиве музея сохранились большие общие тетради, в которых его рукой крупно, фломастером выписано краткое содержание отдельных оперных сцен, реплики главных героев. Приобщая друзей и их детей к любимому музыкальному жанру, он читал им либретто, потом играл все лейтмотивы и темы. Комментировал, ставил на пюпитр таблички, поясняющие действие. Потом с полотняным мешком обходил всех и каждому гостю вручал подарок. А когда по сюжету к детям спускаются ангелы — собственноручно зажигал на елке восковые свечи.

...У нас сумасшедший дом, жалуется Нина Львовна, Слава готовит выставку Пикассо. Он всех измучил. Зал, уверяет, не может быть прямоугольным. Работа кипит: возводят фанерные стены, обшивают их рогожкой, делают специальное освещение, подбирают музыку...

Легендарный «Бал 1988» на Бронной воспет гостями как шедевр неукротимой фантазии, вдохновения и организаторских дарований Маэстро. В оргкомитет входили знаменитые на весь мир музыканты, друзья и родственники Рихтера. Звездное небо, танцы, цирк, гусары, одалиски, конференсье, живые картины, беспроигрышная лотерея... Эффектнее всех на «Балу Глори» был хозяин в образе Футуриста — не пожалел отхватить половину пиджака для «абстрактного» маскарадного костюма. Но и в этом новогоднем действе была предусмотрена продуманная музыкальная и литературная программа: «Празднества» Дебюсси, романсы Алябьева и Гурилева в исполнении Галины Писаренко и Василия Лобанова, «Старая Вена» — пьеса Теофила Даниловича, отца Рихтера, стихи Пушкина и Блока... Бал запечатлен в подробностях на фотографиях, которые хранятся в архиве Музея.

Сотворение мира

В доме на Бронной Святослав Теофилович провел много счастливых лет. Но в высоком смысле Домом Рихтера была музыка. Это было его «сотворение мира», «строительство ковчега».

«Я бы хотел иметь свой знак. Чтобы по нему меня узнавали. Но что это за знак? Соединение всех искусств, которые придумал Бог! Я у него дух (“маленький дух”, оговаривался Святослав Теофилович). Я это соединение распыляю по свету...»³⁰ Музыка была для Рихтера в полном смысле tutti, что значит «все вместе» — все искусства, вся жизнь, все земное. В то же время музыку он всегда ощущал как часть чего-то большего, и об этом Рихтер увлеченно, углубленно,

²⁹ Вспоминая Святослава Рихтера. С. 295, 291.

³⁰ Борисов Ю. По направлению к Рихтеру. С. 11.

С Наталией Гутман на Музыкальных празднествах в Турени

страстно и мучительно размышлял, особенно в последние годы.

Рихтер-мыслитель — эта его ипостась сегодня все больше интересует посетителей Мемориальной квартиры (здесь их не называют посетителями, а говорят — наши гости), особенно после того, как в 2000 году появилась книга Юрия Борисова «По направлению к Рихтеру». Автор книги, с благословения Святослава Теофиловича, записал их «речитативами» — о тайнах музыки, тайнах жизни и «стройно согласованных звуках» мироздания. Это моноспектакль, где каждое слово, интонация, каждый жест и каждая пауза вызывают безоговорочное доверие. К библиотеке Рихтера в Мемориальной квартире теперь прибавляются все новые и новые книги о нем самом, написанные друзьями, учениками, теми, кто его видел, слышал, беседовал с ним. Эти свидетельства обогащают наше представление о Рихтере, создают его объемный портрет, наполняют пространство Мемориальной квартиры подробностями его живого присутствия, позволяют ощу-

тить потаенную глубину и пленительный артистизм его личности.

Рассказывает Юрий Борисов.

Любимая мысль Рихтера, что путь к Богу лежит через синтез искусств. «Что входило в эту формулу?.. Он всегда стремился к цельности, к единству, к пропорциональности, к симметричности. Для него эти качества воплощали две геометрические фигуры: круг и пентаграмма. Он говорил, что если вы научитесь рисовать пентаграмму, а потом приложите ее к свече, чтобы пентаграмма светилась, и задумаете в этот момент желание — оно сбудется»³¹.

Магические символы помогали Рихтеру обозначить «божественные пропорции» его божественного ремесла. «Фуга — пример пентаграммы. Конструктивное начало природы, божественная пропорция... Установите пентаграмму перед свечой, и задайте себе задачу. Я задал такую: соединить в себе семь начал:

1. Архитектуру (самое важное — умение конструировать, тянуться вверх).
2. Живопись (владение стилем и всеми стилями).
3. Шекспировский театр («Глобус» — идеальная модель театра).
4. Литературу (проникать в смысл).
5. Черно-белое кино (потому что клавиатура черно-белая).
6. Астрономию (всем иметь свою подзорную трубу!)
7. Сновидения (чтобы ночью не отключать мозг).

Пентаграмму рисовать очень сложно. Это крайне трудная фигура. Рихтер ее рисовал достаточно точно, и круг тоже — Фальк учил его рисовать круг двумя руками. «Фальк посвящал меня в очень высокие материи, что идеально правильное движение есть движение круговое, и что даже небо движется по кругу. «То, что находится под этим кругом, — это внутренность собора. Ты предствавь себя на вершине купола, то есть в центре круга, только тогда ты построишь фугу», — учил меня Фальк».

К «небоскрегам» Скрябина Рихтера тоже подтолкнул Фальк. «Он рассказал о «борьбе с тяготением...» Я долго не понимал, что это значит, а потом представил, как земля уходит из-под ног... И получилась Шестая соната!» Однажды С. Рихтер подошел к роялю и сыграл арпеджированный аккорд из Седьмой сонаты А. Скрябина (т. 331), сыграл «в исступлении». «Знаете, сколько в нем этажей? — спросил С. Рихтер. — Небоскреб! Это такое солнце, от которого слепнешь! А может, и не солнце, а бездна...» «Если использовать выражение Скрябина, то Софроницкому ближе «заклинание», мне — «дремлющие святые». О Скрябине Рихтер говорил часто, он чувствовал в нем единомышлен-

³¹ Борисов Ю. Записи Рихтера // Литературная газета. 8—14 марта 2000 г. С. 13.

ника: «Для меня в Скрябине важно, что он тоже странник. Я все мечусь — по двум направлениям: по направлению к Свану — там все такое чувственное, с грехом пополам. Или к Германтам — там чистая “духовность” и... сны»³².

Толкованию сновидений отводилось весьма важное место. Он часто говорил, что сколько сыграл музыки, столько видел и снов. Все самое интересное происходит во сне, уверял он. В его снах — диалоги с Брамсом и Дебюсси, евангелические сюжеты, сказочные литературные и мифологические персонажи, «диавольские» отражения в зеркалах... Под стать снам были и творческие фантазии. Часто они рождались во время прогулки. У Рихтера была мечта — сыграть концерт в Дельфте, на родине художника Вермеера. Играть целые сутки — только миниатюры; «выбирать по расположению солнца, по густоте облаков, по тому, как ложатся цветные пятна; играть до тех пор, пока не свалюсь». Увлеченно фантазировал репертуар: к завтрашнему — Бах, Шопен — после двенадцати... Тот, кто будет слушать, устроится на песочке, вокруг дома... И добавлял: «Скрябин бы сказал: “Le give prend forme...” — сон оформляется!»³³

К числам Святослав Теофилович относился столь же серьезно, как и к снам. О прелюдии ор. 74 № 1 Скрябина говорил: «Я побаиваюсь играть эту прелюдию из-за того, что на 74-й год мне нагадали что-то не совсем хорошее... Так что число “74” недолюбливаю». Он был убежден, что каждая нота лечит: В-дуг лечит сердце, по крайней мере, забываешь о боли... Рихтер любил определять тональность людей: Галина Писаренко — «прелестница в ля мажоре», а Нина Львовна — в фа диэз миноре. Тональность для Рихтера означала не только характер, но и судьбу. Обряды, маски, символика розенкрейцеров — все вызывало у него неподдельный внимательный интерес.

«Или такие интересные вещи, как, например, астрономия. Святослав Теофилович очень любил смотреть на звезды и ходить в планетарий, — рассказывает Борисов. — Он мне показал Московский планетарий, который сейчас закрыт. Рихтер всегда говорил, что голова человека, который занимается искусством, должна смотреть вверх на звезды.

Все пианисты ставят рояль рядом с дирижером, когда играют концерт Баха, — Рихтер его убрал в глубь оркестра. Он считал, что в старинной музыке, в Бахе, человек — это часть целого»³⁴.

О пианизме, о своих отношениях с роялем Святослав Теофилович говорил: «Тут уже не только театр, но и мистика. Человек и рояль —

неразрешимый конфликт... Струны — это вынутые человеческие жилы... Это “двойной портрет” — человек и рояль. По другую сторону — ранимая человеческая душа...»

Такой же мистический контакт был у него и с залом. Рихтер говорил, что, «как и любой артист, музыкант должен втянуть в себя зрительный зал. И уметь из себя вытолкнуть». «Все дело в магните: если он есть, к тебе будут тянуться»³⁵.

Концерты Святослава Рихтера не кончались с последним «бисом». Они еще несколько дней набирали силу, переполняя сознание, пишет Д. Терехов. А Рихтер говорил иногда с горечью: «Часто бывает плохо — не замечают... Зал не музыкальный».

К себе он был беспощаден. Однажды после концерта сказал: «Сегодняшний концерт — подтверждение, что все кругом — супрематизм. Это ужасно, но это так. Все приходит к нулю, и я приду»³⁶.

Случалось — крайне редко! — когда минуты душевной неустроенности, разлада с собой настигали Рихтера прямо на сцене. Рассказывает Дмитрий Терехов. Малый Зал Консерватории. Рихтер начал фугу Франка тонко и прозрачно. Но где-то в середине пьесы что-то случилось. Неожиданно, вдруг, словно упало сердце. Какое-то «Ах», и опять ничего, а потом — еще и еще... Так, наверное, умирают...

...Он сидел и, держа педалью звуки, безразлично смотрел перед собой. Обломок фуги торчал между ним и залом как частокол. Он снял педаль и в наступившей тишине произнес:

— Извините, я сегодня не в состоянии...

Битком набитый зал оцепенело молчал, наблюдая, как его спина скрылась за дверью артистической. Через несколько минут Рихтер вышел. Его встретил шквал оваций!!! Он играл и играл, не следуя программе, то, что хотел играть сам. Это было абсолютное слияние с залом. «Рядом справа, — вспоминает Дм. Терехов, — сидел Генрих Густавович Нейгауз... Его сильно разогретое лицо, голубые слезящиеся глаза излучали любовь и блаженство...»³⁷

Гленн Гулд назвал Рихтера одним из самых мощных коммуникаторов нашего времени и признавался, что рихтеровское исполнение Шуберта повергло его в гипнотический транс.

Музыкальные впечатления *sine materia*³⁸ не составляли Святослава Рихтера. Он видел, как Моцарт «мечется между светом и тенью», ощущал неисчерпаемую сокровенную глубину «Фантазии» Шумана, восхищался эволюционной «лест-

³² Борисов Ю. По направлению к Рихтеру. С. 150, 331, 199, 51, 96.

³³ Там же. С. 147—148.

³⁴ Борисов Ю. Записи Рихтера // Литературная газета. 8—14 марта 2000 г. С. 13.

³⁵ Борисов Ю. По направлению к Рихтеру. С. 32—33, 112—114.

³⁶ Там же. С. 195.

³⁷ Терехов Д.Ф. Рихтер и его время. С. 231—232.

³⁸ Неосвязаемое (лат.).

ницей» Скрыбина к Вселенскому экстазу, освобождаящему дух от власти материи. В Шуберте он видел «пространство Бога абсолютное, там нет раздвоенности, нет этих судорог». К фестивалю в Туре Рихтер готовился с Евангелием в руках, с «религиозным отклонением», как он говорил. О совместном выступлении с Дитрихом Фишером-Дискау (Рихтер называл его «Евангелистом») Святослав Теофилович вспоминал так:

«Когда он запел “Wie schnell verschwindet...”³⁹ — это песня из “Прекрасной Магелоны” Брамса — я понял, что мои руки играют сами по себе, а я устался на него. Поскорее опустил глаза... И не нашел своей строчки. У меня небольшая паника... Я снова на Фишера-Дискау... А у него над головой мерцание, а на лбу черные-черные морщины! И ведь никакого специального света, обычные лампы... Что-то похожее я видел у Юдиной — она всегда играла в таком скафандре»⁴⁰.

«Коллекционировать можно только впечатления»

«**П**амятник хороший, — сказал Святослав Теофилович, остановившись на Новодевичьем у скрыбинского белого мрамора. — Но лучше всего надпись: СКРЯБИН. Без комментариев»⁴¹.

«Биография — это самое низкое. Бульвар. Окружающая действительность — еще ниже... Вы можете себе представить Шуберта с телефонной трубкой? Я не хочу, чтобы обо мне говорили: вчера с дядь Славочкой смотрел “последние известия”». «Важно, чтобы занавес был опущен. А потом, когда отвешу последний поклон, вы занавес откроете... А там — ничего. Пус-то-та... Для меня, например, подозрительно, если останутся гаражи, замки и много красного дерева...»

Святослав Теофилович хотел оставить другое. «...Хотел поделиться тем, что для себя открыл. Что для себя вымучил. Но тут возникало странное препятствие...» Немота: «...Люди, к которым я относился с уважением, которых любил, вызывали у меня состояние, близкое к немоте. Так было и с Генрихом Густавовичем (Нейгаузом). В его присутствии я не мог порой совсем говорить, или же говорил нечто несурзное».

Как выразить невыразимое? Как передать неосоздаемое? Как озвучить состояние любви, близкое к немоте? Рихтер, кажется, знал ответ. Он говорил Юрию Борисову: «Вы же мою биографию хотели записывать?.. Я это сделаю... через Баха».

Все фуги и 24 прелюдии «Хорошо темперированного клавира» (Том 2) Рихтер исполнял как автобиографическую исповедь: первые восемь прелюдий и фуг — детство, вплоть до отъезда в Москву. Вторые восемь кончались смертью Сталина. Как-никак конец эпохи. Третьи — «уже какая-то свобода, концерты... и много потерь».

Мелькают, как под фотовспышкой, мгновенные кадры: «Мама... Прокофьев... Магия Мравинского... Пикассо... Дом на Оке... Бриттен... Юдина... Нейгауз... Париж, Золя, Тур... Олег Каган, Концерт память Ойстраха...» Последняя fuga посвящена «Итальянскому дворику и Ирине Александровне — персонально!»

«Видеть музыку совсем не сложно, — не без лукавства говорил Святослав Теофилович. — Надо только немного скосить глаза. У меня ведь свой кинотеатр... Только кино я показываю паль-ца-ми»⁴².

Большое «кино» Святослава Рихтера не помещается в музейное пространство Мемориальной квартиры. Рихтеру даже в земных пределах было тесно. «Нематериальные» ипостаси рихтеровского гения невозможно «экспонировать», невозможно причислить к «единицам хранения» нравственную «шкалу Рихтера» и живую систему его мирозерцания. Все это незримо присутствует в том, что он нам оставил, — в «крохотках» его замечательных «Автобиографических признаний», в подписях к портретам каталога выставки «Музыкант и его встречи в искусстве», в творческих тетрадах, пометах на страницах нот, в бесчисленных дружеских письмах и открытках, рассеянных по свету... Присутствует в его устных размышлениях, наблюдениях и признаниях, бережно хранимых в памяти друзей и коллег или записанных с его позволения. Сокровенное у Рихтера выражено «между нот» и «между слов», в свойственной ему отнюдь не академической, парадоксально-ассоциативной полушутливой манере, — Святослав Теофилович был человеком застенчивым, и пафосное педалирование было не в его стиле.

Осталась мемориальная фонотека Рихтеровских записей. Записи для этой коллекции были сделаны лучшими студиями мира. Фонотека до сих пор пополняется редкими записями, сохранившимися у коллекционеров. Это не музейные экспонаты, они не молчат. Они звучат для тех, кто приходит в Мемориальную квартиру. Это и есть их встреча со Святославом Рихтером. Готовится цикл вечеров «Слушая Рихтера», где будут звучать в аудио- и видеозаписях программы, составленные им самим.

³⁹ «Как быстро исчезает...» (нем.).

⁴⁰ Борисов Ю. По направлению к Рихтеру. С. 137.

⁴¹ Там же. С. 99.

⁴² Там же. С. 74, 118, 120—135, 10.

Квартира на Бронной. Вид из окна

Дмитрий Терехов определил тему своей книги — «Рихтер в трагическом пространстве своего времени». Существует и другая тема: Рихтер в трагическом пространстве своей исполнительской профессии. «...Игра Рихтера часто рождала ощущение, что его внутреннее видение музыкальных миров превосходит даже самые совершенные средства выражения. Это было и его счастьем, и его вечной неудовлетворенностью»⁴³. Стиль Рихтера с годами менялся, пианист прошел свои университеты «искусствовыражения»: от «титанических крайностей» игры 1940 — 1950-х годов он пришел «к высшей упорядоченности и гармоничности духа и материи» в 1970 — 1990-е годы. Это наблюдение Дмитрия Башкирова подтверждает Альфред Шнитке: «Аффектация исчезла, за роялем сидел аскет, философ, мудрец, знающий нечто такое,

от чего музыка — лишь часть»⁴⁴, — пишет он о позднем Рихтере.

«Все свои концерты, начиная с 1934 года, Святослав Теофилович записывал в специальные тетради, — рассказывает научный сотрудник Мемориальной квартиры Виктор Зеленин. — Кроме этого, остались тетради переписки со знакомыми (там около тысячи имен; перед каждым Новым годом он два-три дня писал поздравления и ответы своим корреспондентам, всем без исключения — никакого шаблона, каждому индивидуально; например, в 1991 году он написал около 600 писем); тетрадь всех вечеров, которые он устраивал, тетрадь фильмов, которые он смотрел, тетрадь, где он описывал впечатления от музыкальных спектаклей и концертов, и даже тетрадь, где перечислены все дорогие ему вещи, находящиеся в квартире на

⁴³ Вспоминая Святослава Рихтера. С. 284.

⁴⁴ Там же. С. 294.

Бронной: кружка Сергея Рахманинова и земля с его могилы, письма Бориса Пастернака, офорты Дмитрия Краснопевцева, портрет Генриха Нейгауза. Он этим дорожил, но никогда не был собственником, накопителем. Как-то он сказал: «Одно только можно коллекционировать — впечатление»⁴⁵.

Слово «впечатление» в словаре объясняется так: «образ, след, отражение, оставляемые в сознании человека; влияние, воздействие на кого-либо». Не этой ли попыткой зафиксировать впечатление, остановить мгновение, обозначить в конце жизни свои отношения с бытием и «музыкой вселенной» объясняется неожиданное согласие Рихтера, всегда избегавшего давать интервью, на съемки в документально-биографическом фильме Бруно Монсенжона «Рихтер непокоренный», который теперь показывают посетителям Мемориальной квартиры великого пианиста? Монсенжон рассказывает: «Я пытался сохранить в фильме не только его текст, его реплики, но и паузы, молчание, потому что оно всегда было значимо, это молчание... У Рихтера было чрезвычайно выразительное лицо, почти бесплотное, как у монаха. Поэтому при съемках мне очень важен был крупный план...»⁴⁶

Милена Борромео, импресарио С.Т. Рихтера в последние его годы, вспоминает: «Он сказал мне, что всю жизнь ему приходилось подчиняться заранее определенному графику концертов, а теперь, в его возрасте, он может выбирать сам, когда и где играть... Он любил путешествовать и открывать новые места... Благодаря ему я сама узнала многие ранее незнакомые мне уголки Италии... Все мое существо отзывалось на те чувства, которые рождала во мне его личность и которые диктовались моими обязательствами по отношению к нему.

Может быть, Рихтер, который казался чуть потерянным в этой жизни, просил о помощи? Он был таким чуть страдальчески кротким, что каждый чуткий человек, с ним соприкасавшийся, испытывал к нему нежность и естественно рождавшуюся преданность»⁴⁷.

Дмитрий Журавлев запомнил слова Рихтера, сказанные однажды после исполнения довольно большой сложной каденции в Бранденбургском концерте: «Играем, играем все вместе, а потом остаешься один — так страшно...»⁴⁸

Когда Святослава Теофиловича не стало, Нина Львовна на овальный стол поставила его прибор, и больше уже его никогда не убрали.

Отпевавший Рихтера отец Николай, в миру скрипач Ведерников, посоветовал ей держать перед собой как можно больше его фотографий, разговаривать с ним все время. При жизни Рихтера его фотографий на стенах не было, — подобрали по годам, они хранились в тяжелой шкатулке красного дерева размером с чемодан. Теперь в специально отведенной комнате Мемориальной квартиры составляются фотоэкспозиции, рассказывающие о разных периодах жизни великого музыканта.

Портрет звука

Фотографий Рихтера в архиве музея очень много (три с половиной тысячи!), среди них есть замечательные. Есть и портреты, выполненные художниками, с которыми он был дружен. Портрет молодого Рихтера Фальк сделал, рассказывал Святослав Теофилович, когда «*имел доброту направлять меня в моем желании рисовать*». Замечательна по экспрессии зарисовка венского авангардиста Оскара Кокошки. Это был тот редкий случай, когда Святослав Теофилович не рассердился, что кто-то «подсмотрел» его мучительное творчество, «*момент осиливания труднейшего из произведений, написанных для фортепиано*». Но вообще, по свидетельству профессора Московской консерватории пианиста Льва Наумова, он терпеть не мог, когда во время концерта телеили кинокамера показывает его лицо: «На лице отражена моя мучительная работа, а это не то, важен лишь результат». Какой-то критик сказал Рихтеру, что не может составить мнение о пьесе «Мысли о смерти»: «Не знаю, хорошая это музыка или никакая. Я все время следил за вашей челюстью...» «Вот видите, — говорил Рихтер, — и лампа не помогает. Одному челюсть нужна, другому изгиб бакенбарда». «Мне же, — пишет Лев Наумов, — как раз было интересно не только слышать, но и наблюдать за ним...»⁴⁹

В книгах о Рихтере собраны словесные портреты его искусства, портреты звука, записанные теми, кому посчастливилось быть на его концертах — в зале или рядом, на сцене, и эти непосредственные свидетельства по силе и глубине воздействия порой превосходят возможности фотографии и видеозаписывающих устройств.

«...Обжигающая вспышка свирепого взгляда прямо в глаза, не имеющая к тебе лично никакого отношения... испепеляющая, пригвождающая к креслу, — взор оттуда, из вулканического пото-

⁴⁵ Вспоминая Святослава Рихтера. С. 359.

⁴⁶ Там же. С. 220. Книга Б. Монсенжона о Рихтере вышла в 1998 г. (*Monsaignon B. Richter. Ecrits. Conversations. б/м.*) Русское издание — Монсенжон Б. Рихтер. Диалоги. Дневники. М., 2002.

⁴⁷ Там же. С. 347.

⁴⁸ Там же. С. 115—117.

⁴⁹ Там же. С. 275.

ка темной пианистической лавы... Что-то похожее и на рисунке (Ю. Злотникова. 1980. — *Авт.*) — не взгляд, но неудержимый поток штрихов, летящих по диагонали вверх.

Мы привыкли к монументальности рихтеровского музыкального мира — к величавым конструкциям и прочерченной ясности сводов. Но все это нередко проступало из хаоса: сквозь Рихтера светлого угадывался Рихтер темный».

*Глеб Поспелов*⁵⁰

«...У тех многих, кто с его помощью услышал полет ангелов, не находится слов, чтобы это описать».

Вячеслав Иванов

«...Когда появился Рихтер, возникло ощущение присутствия гиганта, сила которого подняла этих четырех музыкантов в воздух и заставила летать, преумножая их силы. Во время совместного исполнения концерта Бриттена я отчетливо ощущал, как за моей спиной от рояля шла совершенно нечеловеческая сила».

*Рудольф Баршай*⁵¹

«Только маленькая направленная лампа из темного колпака посылает свой луч на клавиатуру, и весь зал, слушая, напряженно вглядывается в странно изменившееся, освещенное снизу лицо Маэстро... Казалось, какая-то стальная колесница катит, дробя клавиши сверху вниз. Руки вздыблены, как два моста, и сквозь жестко опертые вертикальные пальцы дробно мелькают отражения в черной зеркальной крышке с золотыми буквами. Через этот трансцендентальный вихрь, играемый с непостижимым совершенством, из темных басовых глубин временами поднимается страшный мотив *Dies Irae!*»

*Дмитрий Терехов*⁵²

«...Как будто чьи-то крылья бесшумно взлетели. Руки Рихтера погрузились в клавиши, как в купель. Музыка едва осязалась, едва теплилась... Забрезжили контуры чего-то надмирного, открылась новая плоть, новая луна... И тут же погасла — как только кончились ноты».

*Юрий Борисов*⁵³

«Шкала Рихтера»

«**К**акая потрясающая плотность смыслов в этих имени, отчестве и фамилии: Святослав Теофилович Рихтер. Здесь прославление святости, любовь к Богу (Тео-фил) и правильность, верность (немецкое "richt"), — пишет пианист, профессор Санкт-Петербургской консерватории

Леонид Гаккель. — А говорят о случайности имен: да ими все определилось в даровании, морали и облике артиста, в его служении Добру»⁵⁴. Воспоминания друзей и коллег складываются в живой этический портрет. Святослав Теофилович Рихтер всецело принадлежал не только искусству, но и жизни, подтверждая их взаимоперетекаемость.

Конечно, он был примером, эталоном. «Я помню, — говорит Вера Горностаева, — девчонкой я смотрела, как он выходит и кланяется: в одну сторону — оркестру, в другую сторону — оркестру, потом в зал — публике. Я сидела и запоминала: ага, вот так»⁵⁵.

При нем невозможно было злословить. Ты невольно подпадал под этот тонкий, незаметный диктат. При нем невозможно было сказать пошлость, вульгарность, рассказать чрезмерно фривольный анекдот. С ним это не совмещалось. Если Рихтер отодвигал, то навсегда. Большинство любило его издали. Но тем, кого он любил, разрешалось все и прощалось тоже все.

Он был человек природный. Для него доброжелательно относиться к людям было так же естественно, как дышать. И это отношение он распространял и на животных, цветы, растения... Мог часами играть с кошкой, собачкой, черепашкой. Мог в семь утра пойти на речку купаться. Любил плавать. Любил ходить пешком. Однажды от Николиной Горы прошел больше пятнадцати километров, чтобы выступить на импровизированном фестивале в звенигородской маленькой школе.

Он ненавидел технический прогресс, самолет, телефон и телевизор, но город любил. Очень хорошо знал архитектуру старой Москвы, буквально наизусть. Помнил все арбатские переулки. Дважды обошел Москву. Каждый круг был протяженностью почти в 300 километров. Знал каждую деревню, каждую речушку в Подмосковье. С годами уступил прогрессу и сделал исключение для автомобиля. Изъездил всю Европу и Россию, от Англии до Японии. По дороге в Японию оставался через каждую сотню километров, чтобы поиграть в самых заброшенных российских уголках.

О Японии рассказывал: «Здесь понимаешь, что традиция — весьма хорошая вещь. Поражает удивительная вежливость, воспитанность, предупредительность, вкус. Отношение к религии совершенно иное, чем на Западе — как к чему-то обыденному, а не возвышенному... В Японии есть камни, на которых высечен предельно лаконичный текст. Например: "О дружбе нечего говорить"».

⁵⁰ Вспоминая Святослава Рихтера. С. 115—117.

⁵¹ Там же. С. 232.

⁵² *Dies Irae* — День Гнева. См.: Терехов Д.Ф. Рихтер и его время. С. 240, 234.

⁵³ Вспоминая Святослава Рихтера. С. 188.

⁵⁴ Там же. С. 298.

⁵⁵ Там же. С. 94.

Святослав Теофилович умел дружить. Умел и любил делать подарки. Умел помочь человеку, не обременив его своим великодушием. Мало кто знал, что у Рихтера и Дорлиак всегда были свои стипендиаты. У Нины Львовны — больные неимущие женщины, у Святослава Теофиловича — неустроенные музыканты. А сколько бесплатных и благотворительных концертов он сыграл!

О себе Рихтер говорил: «Не люблю собственности. Люблю путешествовать. Люблю менять места... Собираюсь писать о своей жизни. Думаю начать с тех мест, где играл, жил — сколько их было!» Ему нравилось играть в Турени, «в старинном амбаре, которому уже стукнуло 800 лет». Нравилось играть в Англии на Бриттеновском фестивале: «За отсутствием в деревне концертного зала оперные представления и концерты происходили в церквах. Обстановка более чем скромная. В публике — полное отсутствие снобизма. Каждый высказывает свою любовь к

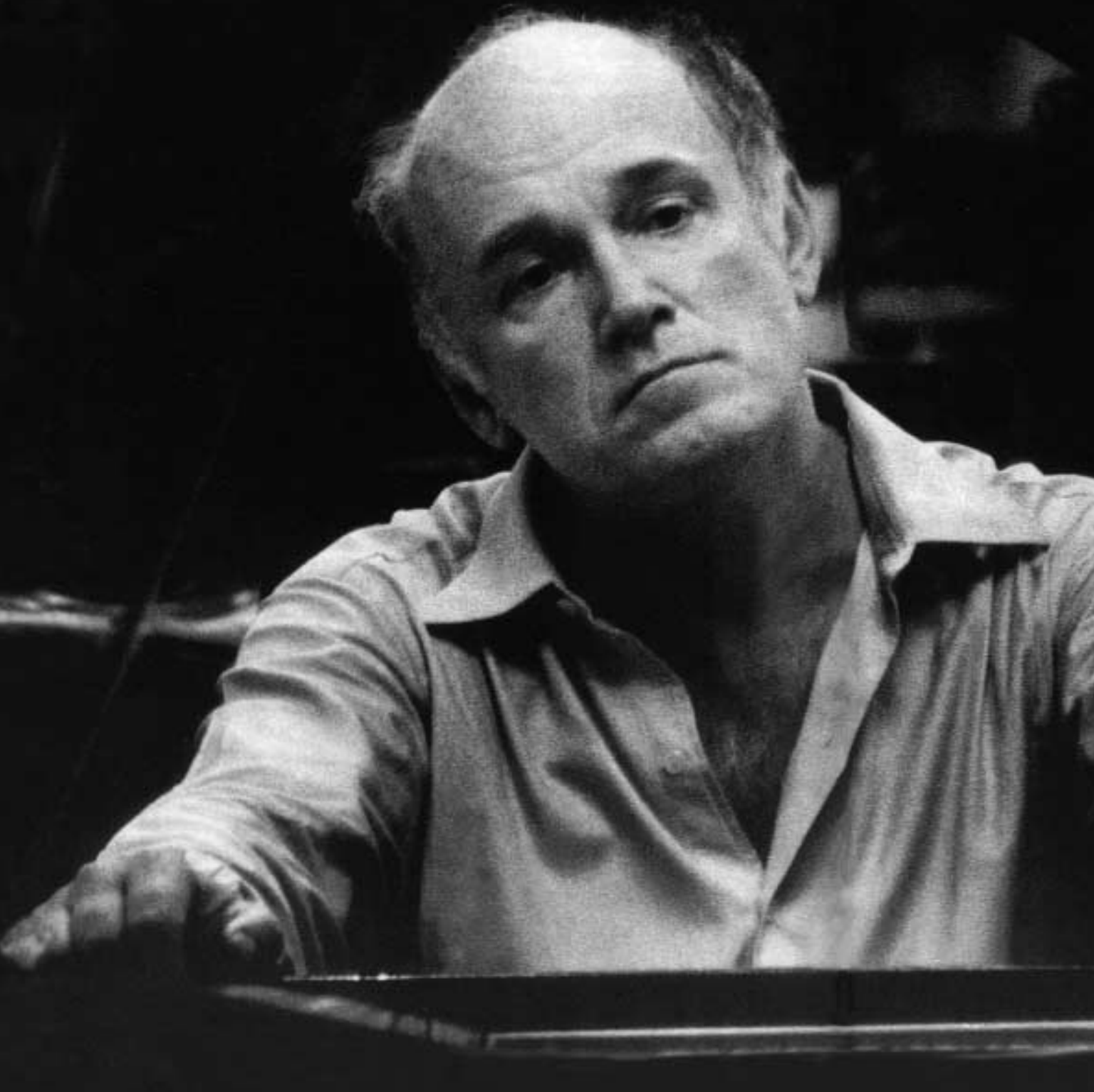
музыке и артистам как может. Бриттен свой человек у рыбаков... Это напоминает школу, но по воскресеньям».

Простота, говорил Рихтер, это и есть признак подлинной интеллигентности. Каждый, кто входит в Мемориальную квартиру, может в этом убедиться. Все просто в этом доме, никакой роскоши, но все удобно и для работы и для творческой мысли. И если среди гостей найдется человек, который спрашивает: «Почему все так скромно?» — становится ясно, что этот человек оказался здесь случайно.

Рихтер не любил тратить жизнь на пустяки. Пустяками было все показное, тривиальное, формальное, все, что «около». Все встречи на Бронной (как и все концертные программы) были с каким-то замыслом. Режиссура общения требовала подготовительной работы. Для нее он времени не жалел — ни дома, ни на сцене. Он был выдающимся ансамблистом, удивительно чутким. Рассказывая о совместной работе с Рих-

Герберт фон Караян, Святослав Рихтер, Мстислав Ростропович, Давид Ойстрах во время работы над Тройным концертом Бетховена

Святослав Рихтер

тером, Юрий Башмет нашел точное сравнение: «Говорят, что дельфины, “разговаривающие” между собой на ультразвуке, в общении с человеком переходят на частоту его голоса... От Рихтера словно излучение какое-то идет... Он одним своим присутствием “вытягивает” из человека максимум. Жить с собой рядом заставляет по-другому, интенсивнее, что ли...»⁵⁶

Он никогда не ходил «крестом наружу», и вообще никто не знал эту сторону его жизни. Но можно было догадаться по многим признакам, что он верующий человек. По бескорыстию, которое его отличало. По тому, что ничего не скопил, смиренно отдавал свои «проценты» Госконцерту. В нем не было страха перед режимом. Просто он стоял к нему спиной. «Талант,

⁵⁶ Вспоминая Святослава Рихтера. С. 261.

ственна, чтобы назидать, — говорит профессор Леонид Гаккель. — Рихтер просто присутствует в бытийном составе каждого из нас, и нам от этого становится легче»⁵⁸.

«Душа обязана трудиться»

«**К**огда вы слышите слово “музыка”, вы себе прежде всего представляете урок музыки... Когда вы слышите слово “музей”, вы понимаете его как складочное место тех или иных редких предметов»⁵⁹ — так определял Николай Константинович Рерих особенности обиходного восприятия музыкального искусства и музейной культуры. Обиходное восприятие всегда склонно к умалению и обеднению.

Дом Рихтера — это не просто Мемориальная квартира великого пианиста. И не просто музыка. Это — Музейон, Дом Муз в самом расширительном рериховском смысле. Это Дом одного из «тех великих, которые понимали краеугольные камни основ жизни»⁶⁰.

Не будет преувеличением сказать, что Дом Рихтера — категория космическая.

Когда мы входим в Мемориальную квартиру на Бронной, мы не опускаемся на землю. И не потому, что в окнах шестнадцатого этажа много неба, а потому, что здесь живет дух Рихтера, ощущается его присутствие, звучит его музыка. Здесь чтут его традиции, проходят концерты, в которых участвует много талантливой молодежи, — может быть, среди них будущие Каганы, Башметы, Наталии Гутман и Элисо Вирсаладзе...

Они приходят в дом на Большой Бронной, — студенты консерватории, интеллигентные старожилы арбатских и никитских переулков, степенные семейные пары и тинейджеры-вундеркинды, композиторы, музыканты и меломаны из разных городов России, Украины, из Японии и Германии, Франции, Китая, Америки — со всего мира. Сегодня они гости Святослава Теофиловича Рихтера. Он очень любил ходить в музей. Не ради того, чтобы узнавать беглые подробности жизни великих людей, оценивать интерьеры и разглядывать экспонаты, а для того, чтобы, прикасаясь к тайнам Прекрасного, трудиться душой, расширяя ее пределы.

*Рассказ о Доме Рихтера подготовили
Людмила Кренкель и Рита Вебер*

гений, дар божий — это есть поручение Бога», — сказано в Книге книг. Это поручение Святослав Рихтер выполнил без единой ошибки⁵⁷.

«Как все гении музыки, он не может служить жизненным примером, музыка слишком таин-

⁵⁷ Вспоминая Святослава Рихтера. С. 99—101.

⁵⁸ Там же. С. 298.

⁵⁹ Рерих Н.К. Твердыня пламенная. Рига, 1991. С. 240.

⁶⁰ Там же. С. 8.